
ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

MODERN GLOBAL PROBLEMS

Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 1 (471). С. 5–13.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2023;(1(471):5-13. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Научная статья

УДК 316.32

doi: 10.47475/1994-2796-2023-10101

ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНОЙ СЛОЖНОСТИ

Дмитрий Николаевич Баринов

Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия, novalenso@mail.ru, ORCID: 0000-0001-9461-1889

Аннотация. Анализируются такие аспекты современной социальной реальности, как расширение и усложнение деятельности системы социальных институтов, бюрократизация системы социального управления, глобализация и возникновение «глобальной дезорганизации», связанной с экономическими кризисами, международным терроризмом, распространением заболеваний. Отмечается, что данные тенденции нарастания глобальной сложности порождают представления о неконтролируемости происходящих процессов, в связи с чем в современном обществе распространяются страхи и опасения, основанные на суевериях, конспирологии, архаических пластах сознания общества. Обосновывается целесообразность анализа иррациональных страхов и тревог индивидов и социальных общностей в рамках отношений «власть—общество». Выдвигается тезис о том, что воссоздание индивидами «онтологической безопасности» в условиях глобальной сложности возможно посредством сужения контролируемого пространства повседневности и границ жизненного мира.

Ключевые слова: глобальная сложность, сложное общество, глобализация, иррациональные страхи, дезорганизация, онтологическая безопасность

Для цитирования: Баринов Д. Н. Человек и общество в эпоху глобальной сложности // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 1 (471). С. 5–13. doi: 10.47475/1994-2796-2023-10101

Original article

A HUMAN AND SOCIETY IN THE AGE OF GLOBAL COMPLEXITY

Dmitry N. Barinov

Smolensk State University, Smolensk, Russia, novalenso@mail.ru, ORCID: 0000-0001-9461-1889

Abstract. Such aspects of modern social reality as the expansion and complication of the activities of the system of social institutions, the bureaucratization of the system of social management, globalization and the emergence of «global disorganization» associated with economic crises, international terrorism, and the spread of diseases are analyzed. It is noted that these trends create feeling of uncontrollability of the occurring processes, in connection with that irrational fears and anxieties based on superstitions, conspiracy theories, archaic layers of society's consciousness spread in modern society. The article substantiates the feasibility of analysis of irrational fears and anxieties of individuals and social communities within the framework of power-society relations. The author introduces the thesis that the reconstruction of «ontological security» by individuals in conditions of global complexity is possible by narrowing the controlled space of everyday life and the boundaries of the life-world.

Keywords: global complexity, complex society, globalization, irrational fears, disorganization, ontological security

For citation: Barinov DN. A human and society in the age of global complexity. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(1(471):5-13. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-10101

Введение

В социальной теории сложилась традиция, согласно которой эволюция общества рассматривалась как процесс его усложнения. Представители функционализма полагали, что социальная дифференциация, усложнение строения общественного организма выступают фактором усиления интеграции общества, которая обеспечивала равновесие, стабильность и целостность социальной системы (Г. Спенсер, Т. Парсонс). Сегодня в общественных науках высказывается идея о необходимости «поворота к сложности» как основы изучения нелинейных систем, характеризующихся эмерджентными свойствами.

Согласно Дж. Урри [21], анализ феномена глобальной сложности основывается на тезисах синергетики о разнообразии, непредсказуемости и неопределённости развития социальных систем. Нелинейный характер взаимосвязей между отдельными элементами глобальных систем приводит к тому, что, например, дестабилизация общественной жизни или восстановление социального порядка способны порождать неожиданные, непредсказуемые последствия.

Сложное глобальное общество характеризуется сетевой организацией и мобильностью, оно организовано в виде многоуровневых отношений между различными по масштабу системами, которые являются друг для друга внешней средой. С одной стороны, сетевые структуры обладают рациональностью, устойчивыми и предсказуемыми связями между людьми, объектами и технологиями, которые способны распространяться, преодолевая пространство и время. С другой стороны, перемещение сетей по различным маршрутам, их проникновение в новые пространства, пересечения с другими сетевыми структурами чреваты возникновением непредсказуемых последствий.

Общий вывод, который делает Дж. Урри, можно свести к следующему: отношения в сложном глобальном мире разнообразны и нелинейны, включают в себя множество как отрицательных, так и положительных циклов обратной связи между различными системами и процессами. В условиях глобальной сложности взаимодействие социальных систем не обеспечивает предсказуемости, равновесия, порядка, стабильности.

Развивая идеи концепции Дж. Урри и используя понятие «сложный социум», С. А. Кравченко выделяет такие характеристики последнего, как «новые скорости социальных изменений», «переоткрытие времени», гибридные формы соци-

ального и физического, виртуальная реальность. Одна из наиболее существенных особенностей сложного социума, отмеченных С. А. Кравченко, заключается в том, что становление сложности сопровождается травмами, парадоксами, порождает рискованную среду и создаёт угрозы для безопасности [12; 13].

Выделенные характеристики позволяют предположить, что становление и развитие сложного общества носит отпечаток непознаваемости, иррациональности как для научного, так и для обыденного сознания. Экстраполяция идей синергетики в поле общественных наук порождает сомнения в возможности выведения точных законов развития общества, приводит к признанию вероятностного характера знания о социальных процессах, позволяет говорить о «горизонте предсказуемости», отражающем наличие существенных ограничений социального прогнозирования [8; 10; 18]. Согласно И. Пригожину, философия нестабильности показывает, что современное общество исключает его подконтрольность человеку [17]. Индетерминизм и нестабильность порождают риски, которые являются неотъемлемой частью бытия общества, в котором сохраняется место неопределённости.

При этом наука не отказывается от познания глобальной сложности. Как отмечал Дж. Урри, в сверхсложной системе «причины» и «следствия» могут быть несоразмерными, социальная реальность всегда находится «на грани хаоса», но это не исключает порядка. Иными словами, это особым образом организованный порядок. В этой связи для научного познания иррациональное выступает как «ещё не рациональное» (Н. С. Мудрагей), то есть непознанное, неизвестное, таинственное, как то, что ещё подлежит познанию и теоретическому осмыслению. Подтверждением тому служат научные разработки в сфере управления сложными системами на основе синергетической парадигмы. Один из тезисов гласит, что знание законов самоорганизации позволяет эффективно управлять имманентными системами процессами посредством резонансных воздействий, направляющих систему на тот или иной путь развития. А основанные на синергетике принципы коэволюции рассматриваются как основа для прогнозирования и планирования будущего в долгосрочной перспективе. В таком качестве синергетика выступает альтернативой традиционным методам прогнозирования [7; 9; 11].

Другое дело — обыденный уровень сознания, связанный с актуальными потребностями, ин-

тересами, с ежедневными практиками индивидов, с разнообразными житейскими ситуациями. На обыденном уровне свойства сложного общества могут восприниматься как нечто неподдающееся рационально-логическому осмыслению. А если говорить о массовом сознании и коллективных практиках, следует учитывать роль медиасферы, которая способна увеличивать информационную энтропию [4], то есть формировать представления об иррациональном, стихийном характере социальных явлений и процессов. При этом необходимо помнить, что и объективный процесс усложнения социальной реальности сам по себе, помимо воздействия СМИ, является источником необоснованных опасений индивидов. Рассмотрению некоторых особенностей становления глобальной сложности, способствующих возникновению и распространению иррациональных страхов и тревог, суеверий, коллективных заблуждений, посвящена настоящая статья.

Материалы и методы

Исследование опирается на теоретические положения концепции сложного общества, синергетической парадигмы, постмодернистской социальной теории. Анализ перспектив управленческого воздействия на социальные процессы базируется на концепциях бюрократии Л. фон Мизеса, М. Крозье, рассматривающих систему социального управления как рационально организованную, но во многом замкнутую на себя и функционирующую автономно по отношению к объектам регулирования. Иррациональные страхи и тревоги рассматриваются в настоящей статье как элемент общественных умонастроений, служащих формой выражения состояния общественного сознания и обусловленных взаимодействием потребностей, интересов социального субъекта и условий его жизнедеятельности. Теоретической основой исследования также выступает концепция «онтологической безопасности» Э. Гидденса, с позиций которой нарушение недискретности и рутинного характера повседневности, вызванного проникновением в повседневность глобальной сложности, рассматривается как предпосылка возникновения страхов и тревог, чувства незащищённости, беспомощности и определённых форм активности, направленных на воссоздание безопасной социальной среды.

В основе вычленения глобальных вызовов, формирующих восприятие индивидами социальных процессов как иррациональных, стихийных и неподконтрольных человеку, порождающих

коллективные заблуждения, массовые страхи и тревоги, — дескриптивный анализ, предполагающий ретроспективное описание уже осуществлённых общественных явлений и процессов. В целях сопоставления описания указанных тенденций с реальными коллективными практиками и особенностями жизнедеятельности индивидов использовался метод вторичного анализа результатов эмпирических исследований, посвящённых проблемам распространённости в российском обществе иррациональных страхов, суеверий, конспирологических теорий и слухов, отражающих тенденции нарастания глобальной сложности.

Посредством сравнительного метода определены общие для синергетической парадигмы и постмодернистских теорий (концепции деконструкции Ж. Дерриды, теории «текущей современности» З. Баумана) положения, раскрывающие некоторые аспекты глобальной сложности и особенности её динамики.

Обращение к этико-философскому анализу и конфликтологическому подходу создаёт предпосылки для дальнейшего исследования положения человека и функционирования общества в условиях глобальной сложности, прежде всего сквозь призму отношений господства и подчинения, а также соотношения проблемы политики и морали.

Глобальные вызовы, усложнение общества и нарастание иррациональности

Одной из тенденций, провоцирующей возрастание иррациональности в современном обществе, выступает «глобальная дезорганизация» (Дж. Урри), которая усиливает стихийность общественно-политических и социально-экономических процессов. В условиях глобализации человек лишён возможности влиять на события, возникающие географически далеко от места его нахождения. Так, например, финансово-экономический кризис 2009 г. в России был частью мирового кризиса, возникшего в результате дестабилизации финансовой сферы в США в 2007–2008 гг., негативно сказавшейся на экономике развивающихся стран. Панические настроения и массовая скупка товаров в периоды надвигающегося экономического кризиса свидетельствуют об отсутствии у большинства рядовых граждан ресурсов контроля над экономической ситуацией, о недостатке необходимых знаний и финансовых средств в ситуации возможного ухудшения экономического положения, являются показателем того, что для населения экономические процессы

носят отпечаток неуправляемости. Поэтому любые, даже незначительные симптомы ухудшения социально-экономического положения провоцируют тревожные ожидания и действия, направленные на минимизацию вероятных экономических и финансовых потерь.

Другим фактором нарастания иррациональности общественной жизни является угроза глобального терроризма, который проявляется не только в расширении географии терактов и их количества, но и в нападениях на мирных граждан террористов-одиночек в различных странах мира. Как полагают исследователи терроризма, имеющиеся в распоряжении спецслужб инструменты, используемые для работы с организованными группами (напр., агентурная работа), не дают должного эффекта. Нередко террористы-одиночки просто находятся вне сферы внимания спецслужб, которым ничего не известно о причастности таких людей к террористическим организациям. Специалисты отмечают [1], что на основе имеющихся данных пока невозможно составить полноценный социальный портрет террориста-одиночки. Это люди разного возраста, разных профессий, зачастую не подготовленные к противодействию экстремистской идеологии, тиражируемой всепроникающими и высокоскоростными средствами коммуникации. Находясь под влиянием идеологии радикализма, они могут без помощи какой-либо организации вести подготовку к теракту и совершить его. В качестве орудия совершения теракта они используют любые подручные предметы (автомобиль, кухонный нож, режущие предметы из обычного магазина и т. д.).

Поскольку террористов-одиночек труднее выявлять, их деятельность повышает уязвимость населения перед террористическими атаками. Это означает, что глобальный терроризм становится частью повседневности. По утверждениям ряда исследователей, доля терактов, совершённых одиночками, в целом невелика. Однако их действия способствуют распространению подозрительности, недоверия, поскольку потенциальным террористом-одиночкой может быть живущий рядом и до определённого момента не вызывающий подозрительности человек.

Наконец, в числе глобальных угроз, возникших в 2020 г., следует указать пандемию COVID-19. Возможность беспрепятственного перемещения больших масс людей из одной страны в другую стала одной из причин стремительного распространения инфекции по всему миру, а вме-

сте с ней и нового страха перед коронавирусом (COVID-19). С одной стороны, необходимость борьбы с пандемией потребовала закрытия границ, сокращения пассажирских перевозок, с другой, эта мера наряду со страхами населения нанесла ущерб экономике. Пандемия породила целый комплекс страхов, связанных с авиаперелётами. Это страх заразиться в самолёте, опасения отмены рейсов, страх перед ограничительными мерами после полёта. Боязнь летать стала одной из причин не только роста убытков ведущих авиакомпаний, но и возникновения угрозы их банкротства [15].

При этом, что важно, страх перед коронавирусной инфекцией во многом был связан с усложнением информационной подсистемы общества. На начальной стадии пандемии причиной распространения разного рода слухов, конспирологии и порождаемых ими иррациональных опасений населения выступал не только дефицит информации об условиях возникновения болезни, терапии, о профилактике нового заболевания, но и вовлечённость индивидов в глобальные коммуникационные потоки интернет-пространства, создававшие противоречивый образ пандемии и борьбы с ней. Так, исследователи «Мониторинга актуального фольклора» РАНХиГС зафиксировали в социальных сетях около двух миллионов публикаций, содержащих слухи, псевдонаучные рекомендации, конспирологические сюжеты. Среди них: отрицание опасности заболевания коронавирусом; причастность к коронавирусу Билла Гейтса; коронавирус был создан как оружие; во время вакцинации происходит чипирование; коронавирус распространяют вышки 5G и др. [2]. Одновременно в пространстве официальных СМИ можно было обнаружить противоречивые и даже взаимоисключающие суждения о коронавирусной инфекции. Например, о том, что ношение масок защищает от инфекции и о том, что маска неэффективна, о различных сроках окончания пандемии и т. д. Подобная стратегия освещения пандемии в СМИ провоцирует рост информационной энтропии, а вслед за ней — растерянность, тревожность, смятение.

Нарастание иррациональности в общественной жизни порождает рост суеверий и возникающих на этой основе необоснованных страхов. Повышение интереса в России начала 1990-х гг. к религии, магии, экстрасенсорике и т. п. стало ответом на страх перед распадом казавшейся непотопляемой советской социально-политической системы, девальвацией ценностей, идеологии, пред-

ставлявшей довольно ясную картину реальности (экономической, политической, внешнеполитической и т. д.). В постсоветский период основанные на суевериях и псевдонаучных теориях страхи и тревоги не исчезли. Как показывают эмпирические исследования, в 2020 г. фактически половина граждан России (49 %) верила в сглаз и порчу [14, с. 147]. В 2022 г. почти треть россиян (29 %) заявили, что при принятии жизненно важных решений ориентируется на гороскопы. Астрологические прогнозы оказывают влияние на решение о смене работы (13 %) или совершении крупной покупки (12 %), используются для определения дат важных событий [16].

Эти данные говорят о неблагополучии различных сторон жизни россиян, которые в поисках выхода из затруднительного положения обращаются к миру сверхъестественного. Суеверия и вера в сверхъестественное отражают слабость и бессилие людей перед социальными проблемами, безысходность, растерянность и неспособность найти приемлемое решение проблем в условиях коммерциализации человеческих отношений, развития потребительской культуры, давления усиливающихся глобальной дезорганизацией экономических проблем (падения доходов, угрозы безработицы и т. п.).

Пожалуй, можно говорить о том, что появление иррациональных страхов и тревог в современном обществе отражает противоречивость процессов развития глобальной сложности. С одной стороны, налицо накопление большого объема научных знаний, с другой, их игнорирование или даже неприятие «человеком-массой». Данное противоречие позволяет понять, почему возрастание роли знания в современном мире, стремление к рационально-логическому осмыслению происходящего не отменяют действия архаических слоёв сознания общества, особенно в условиях травматических перемен, финансово-экономических кризисов, эскалации насилия, природных, антропогенных и техногенных катастроф и т. д.

Тенденции нарастания иррациональности общественной жизни усиливаются процессами размывания ценностно-нормативной основы общества, что также связано с глобализацией и порожаемым ею противоречием между тенденциями глобальной социокультурной унификации и попытками сохранить национальные культурные традиции, ценности, этнокультурную идентичность. Однако уже само по себе наличие такого противоречия создаёт предпосылки для аномии, разбалансированности ценностно-нормативной

основы общества, способствует интеллектуальной, моральной и социальной дезорганизации индивидов и групп.

Аномию также можно рассматривать как проявление фрагментарности, децентрированности и аструктурности общественной жизни, о которой писали представители постмодернизма. За тезисами об «эфемерности и фрагментарности реальности у теоретиков постмодернизма можно обнаружить корреспондирующую с синергетической идеей негарантированности бытия, что воплощается в концепциях деконструкции (Ж. Деррида)» [4], «текущей современности» (З. Бауман). Обосновывая концепцию деконструкции, Ж. Деррида подчёркивает её тотальность («деконструкция имеет место всюду»), но исключает её онтологизацию (в том числе и посредством дефиниций), поскольку демонтаж целого не позволяет даже описать его, ведь описание — это инструмент построения системности и иерархичности [5, с. 56]. Как отмечал Дж. Серль, «...деконструкция представляет собой специфическую процедуру, направленную на разрушение всей системы ценностей, характерной для западноевропейского мировоззрения, разрушение логоцентризма [19]. Но это означает и разрушение той мировоззренческой основы (по С. Л. Франку, “укоренённости” в абсолютном бытии), которая формирует уверенность, придаёт человеку силы, избавляет его» [4] от иррационального страха и тревоги.

Ценностно-нормативная дезорганизация, наряду с недолговечностью, кратковременностью социальных феноменов, ненадёжностью социальных связей, экономических отношений, отсутствием безопасности, является одной из характеристик, данных З. Бауманом «текущей современности», не обладающей необходимыми системами норм, кодексами правил, которые индивиды могли бы использовать как жизненные ориентиры. Отсутствие однозначных стандартов приводит к размытости целей деятельности. Траектории жизненного пути подвержены неожиданным изменениям. Эта неустойчивость сопровождает жизнь человека от рождения до смерти и, как полагал З. Бауман, становится причиной непрестанной тревожности.

В подобной ситуации небезосновательно возникает надежда на общественные институты, которые могли бы обеспечить некий минимум предсказуемости и безопасности жизни в обществе. Например, эмпирические исследования показывают, что уровень доверия к институтам

общества, в частности к государству, связан с уровнем тревожности общества и готовностью активно противодействовать опасностям [6, с. 50]. Однако стабилизирующая деятельность социальных институтов или государства в сложном обществе может быть поставлена под сомнение, поскольку институциональная основа общественной жизни также находится под воздействием процессов развития глобальной сложности.

Так, например, в современном обществе мы видим расширение сферы деятельности системы социальных институтов. «Человек оказывается в ситуации, когда вынужден доверять социальным организациям и институтам, которые берут на себя функции, ранее выполнявшиеся в рамках семьи (хозяйственная деятельность, социализация, обучение» [3] и т. д.). Проблема «заключается в отсутствии влияния со стороны индивидов на деятельность социальных институтов и организаций. Это делает индивидов беспомощными перед неожиданной угрозой возникновения дисфункций в деятельности социальных институтов и организаций. Например, родители вынуждены доверять» [3] учреждениям «воспитания (детские сады) и образования (школа, вуз). Однако периодически появляющиеся в СМИ сообщения о происшествиях в дошкольных и учебных учреждениях (пищевые отравления, незащищённость детей, некорректное поведение работников детских садов и школ по отношению к детям и т. п.) порождают подозрительность» [3], тревогу и настороженность по отношению к деятельности подобных организаций и учреждений, разрушают основу «онтологической безопасности» — социально-психологического состояния защищённости индивидов, которое определяется степенью рутинизации и хабиутализации их повседневной деятельности, её недискретностью и предсказуемостью [3].

Усложнение общественной жизни порождает тенденцию к усилению контроля над социальными процессами, что приводит к бюрократизации системы управления. Так, в условиях формирования рыночной экономики и демократических институтов в постсоветский период развития российского общества возникла потребность в создании структур, способных регулировать новые социально-экономические отношения. Увеличение числа субъектов хозяйственной деятельности, появление новых форм и сфер экономической деятельности (предпринимательство, финансовая и банковская сферы, операции с недвижимостью, конфликты и споры субъектов хозяйственной де-

ятельности и т. д.), возникновение новых видов преступлений, необходимость сбора налогов, усложнение законодательства — все эти факторы оказали влияние на рост бюрократического аппарата в условиях развития рыночной экономики.

Расширение бюрократического аппарата углубляет разрыв между системой управления и обществом. Рационализм бюрократической машины, понятный всем её участникам, остаётся «вещью в себе» для тех, кто находится вне этой структуры и кому она должна служить. От этого возникает ощущение абсурдности деятельности бюрократического аппарата. Это вовсе не означает, что сложно организованная структура бюрократии является действительно иррациональной по существу. Но таковой она может осознаваться теми, кто со стороны обращается к её услугам.

Источником представлений об иррациональности системы управления является отчуждение от неё, что становится предпосылкой возникновения тревожных ожиданий по отношению к её деятельности. Бюрократическая система нередко воспринимается как огромный, живущий по своим законам организм, перед лицом которого человек испытывает подавленность, замешательство, растерянность, тревогу. Сложно организованная работа такой системы не позволяет в полной мере понять и осознать, как она функционирует, в связи с чем её деятельность кажется непостижимой. Неподвластной разуму остаётся логика принятия решений, его ход и процедура, что вызывает страх, благоговение и трепет. Но именно такой, как полагал, например, М. Крозье, и должна быть бюрократия. На вершине бюрократической пирамиды находятся агенты, которые сознательно стремятся создать непроницаемость границ для чужеродных элементов. Тому, кто принадлежит к бюрократической машине, это позволяет сохранять ясность понимания происходящего. Всем, кто находится по ту сторону органов управления, любые их действия малопонятны и необъяснимы. По словам З. Баумана, так достигается «манипуляция неопределённостью», выступающая едва ли не главной характеристикой любой системы управления.

Одно из объяснений причин дисфункциональности бюрократии мы находим в концепции Л. фон Мизеса, который полагал, что главная задача бюрократа заключается в соблюдении правил и предписаний, исполнение которых обеспечивает решение неэкономических задач. Бюрократия — это некоммерческое управление, не имеющее цели извлечения прибыли.

Бюрократия не поддаётся выражению в экономических терминах, не может быть выражена в экономических расчётах. Бюрократ следит за исполнением правил, предписаний, инструкций, а не за действительными результатами деятельности. Расширение сферы бюрократии с точки зрения хозяйствующего субъекта выглядит абсурдным, поскольку не соответствует экономической рациональности, ориентированной на извлечение прибыли. И если для управленца строгое следование точным, письменно зафиксированным правилам является фактором предсказуемости функционирования системы, то для субъекта экономической деятельности, которая реализуется в рамках определённой бюрократической парадигмы, такое поведение может стать источником беспокойства и неуверенности.

Заключение

В современном мире нарастание сложности социально-экономических и политических процессов является объективной основой возникновения иррациональных страхов и тревог перед кажущимся стихийным развитием общества. При этом порождающие иррациональные опасения индивидов и социальных общностей процессы, на наш взгляд, следует рассматривать в рамках отношений «власть—общество». Н. Луман, например, полагал, что функционирование власти направлено на уменьшение неопределённости. В истории мы можем обнаружить примеры подобного рода, когда процессы усложнения общества сопровождались определёнными управленческими решениями, направленными на снижение непредсказуемости общественного развития [20].

Однако на практике объективная основа возникновения пессимизма, страхов, растерянности, массовой истерии может эксплуатироваться определёнными группами с целью извлечения политических или экономических выгод. Поэтому по-

литизацию и коммерциализацию неустойчивости и нестабильности современного общества можно считать закономерным итогом роста глобальной неопределённости. Примером может служить теория управляемого хаоса (С. Манн) и практики её применения для достижения вполне рациональных геополитических целей (Д. Шарп).

Таким образом, справедливо говорить о целесообразности социально-философского анализа сложного общества с учётом аксиологических и этических аспектов. Ведь рационально-логически организованная система управления может быть использована отнюдь не в интересах всего общества. Поэтому в поле зрения философского анализа попадает проблема соотношения политики и морали, конфигурация которого на практике определяется целями реализации властных ресурсов, а это, в свою очередь, ставит вопрос об адаптации индивидов к неустойчивой общественной среде, особенно в том случае, если состояние критичности социальной системы конструируется сознательно.

Не исключено, что в условиях глобальной сложности на уровне повседневных практик индивидов и групп реконструкция «онтологической безопасности» может осуществляться за счёт редукции многообразия усложняющейся деятельности, благодаря формированию своеобразного типа повседневной рациональности, позволяющего минимизировать последствия возрастания дезорганизации общественной жизни. Повидимому, подобная стратегия позволит избавиться от пессимизма, страха, тревоги и построить понятную и ясную, но краткосрочную стратегию поведения, ориентированную на позитивный образ будущего. Однако достижение оптимистической перспективы жизненного пути в рамках минимально контролируемого пространства повседневности сужает его границы, а вместе с ним и границы жизненного мира индивидов.

Список источников

1. Андрюхин Н. Г., Смирнов А. А. Терроризм одиночек как современная форма террористической деятельности // *Международная жизнь*. 2018. № 9. С. 91–109.
2. Архипова А. С., Радченко Д. А., Козлова И. В., Пейгин Б. С., Гаврилова М. В., Петров Н. В. Пути российской инфодемии: от WhatsApp до Следственного комитета // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 6. С. 231–265. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1778>
3. Баринов Д. Н. «Онтологическая безопасность» и её границы в современном обществе // *Социодинамика*. 2017. № 9. С. 75–89. DOI: 10.25136/2409-7144.2017.9.23996. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=23996 (дата обращения 01.10.2022).

4. Баринов Д. Н. Природа массовой коммуникации и медиаконструирование страхов // Вопросы теории и практики журналистики. 2021. Т. 10, № 3. С. 469–486. DOI: 10.17150/2308–6203.2021.10(3).
5. Деррида Ж. Письмо японскому другу // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 53–57.
6. Иванова В. А. Страхи и тревоги россиян: «западники» и «традиционалисты» // Социологические исследования. 2002. № 3. С. 44–51.
7. Князева Е. Стратегии управления динамической сложностью // Форсайт. 2020. Т. 14, № 4. С. 34–45.
8. Князева Е. Н. Сложные системы и нелинейная динамика // Вопросы философии. 1998. № 4. С. 110–117.
9. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпоритмы. СПб.: Алетейя, 2002. 411 с.
10. Малинецкий Г. Г. Нелинейная динамика и «историческая механика» // Общественные науки и современность. 1997. № 2. С. 100–112.
11. Колесникова Т. А. Антикризисное управление обществом риска: Синергетическая концепция. М.: Либроком, 2018. 176 с.
12. Кравченко С. А. Востребованность гуманистического поворота в социологии // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 1. С. 12–23.
13. Кравченко С. А. Сложный социум: востребованность поворотов в социологии // Социологические исследования. 2012. № 5 (337). С. 19–29.
14. Общественное мнение — 2020. М.: Левада-Центр, 2021. 152 с.
15. Паника на 113 миллиардов. Люди боятся летать из-за COVID-19. URL: <https://www.svoboda.org/a/30472685.html> (дата обращения: 01.10.2022).
16. Почти треть россиян заявили, что ориентируются на гороскопы при принятии решений. URL: <https://tass.ru/obshchestvo/15499451> (дата обращения: 01.10.2022).
17. Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 46–51.
18. Ричардсон Ф. С., Бишоп Р. С. Физика, науки о человеке и конец определённости // Человек перед лицом неопределённости / ред. И. Пригожин. М.: Ин-т компьютер. исслед., 2003. С. 269–286.
19. Серль Дж. Перевернутое слово // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 58–69.
20. Tainter J. Problem Solving: Complexity, History, Sustainability. *Population & Environment*. 2000;22(1):3–41. CiteSeerX 10.1.1.372.816. DOI: 10.1023/A:1006632214612. S2CID153673448.
21. Urry J. The Complexities of the Global. URL: <https://www.lancaster.ac.uk/fass/resources/sociology-online-papers/papers/urry-complexities-global.pdf> (дата обращения: 01.10.2022).

References

1. Andriukhin NG, Smirnov AA. Terrorism of individuals as a modern form of terrorist activity. *Mezhdunarodnaya zhizn' = International life*. 2018;(9):91-109. (In Russ.)
2. Arkhipova AS, Radchenko DA, Kozlova IV, Peigin BS, Gavrilova MV, Petrov NV. Specifics of Infodemic in Russia: From WhatsApp to the Investigative Committee. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2020;(6):231-265. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1778>. (In Russ.)
3. Barinov DN. “Ontological security” and its boundaries in modern society. *Sociodinamika = Sociodynamics*. 2017;(9):75-89. DOI: 10.25136/2409–7144.2017.9.23996. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=23996 (accessed 01.10.2022). (In Russ.)
4. Barinov DN. The nature of mass communication and media construction of fears. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Questions of theory and practice of journalism*. 2021;10(3):469-486. DOI: 10.17150/2308-6203.2021.10(3). (In Russ.)
5. Derrida J. Letter to a Japanese friend. *Voprosy filosofii = Questions of philosophy*. 1992;(4):53-57. (In Russ.)
6. Ivanova VA. Fears and anxieties of Russians: «Westerners» and «traditionalists». *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological research*. 2002; (3):44–51. (In Russ.)
7. Knyazeva E. Strategies for managing dynamic complexity. *Forsajt = Foresight*. 2020; 14(4):34-45. (In Russ.)
8. Knyazeva EN. Complex systems and nonlinear dynamics. *Voprosy filosofii = Questions of philosophy*. 1998;(4):110-117. (In Russ.)
9. Knyazeva EN, Kurdyumov SP. Foundations of synergetics. Modes with aggravation, self-organization, time rhythms. St. Petersburg: Aleteya; 2002. 411 p. (In Russ.)

10. Malinetsky GG. Nonlinear dynamics and «historical mechanics». *Obshchestvennye nauki i sovremennost' = Social sciences and modernity*. 1997;(2):100-112. (In Russ.)
11. Kolesnikova TA. Anti-crisis management of risk society: Synergetic concept. Moscow: Librocom; 2018. 176 p. (In Russ.)
12. Kravchenko SA. The demand for a humanistic turn in sociology. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika = Sociological science and social practice*. 2013;(1):12-23. (In Russ.)
13. Kravchenko SA. Complex society: the demand for turns in sociology. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological research*. 2012;5(337):19-29. (In Russ.)
14. Public opinion — 2020. Moscow: Levada Center; 2021. 152 p. (In Russ.)
15. Panic for 113 billion. People are afraid to fly because of COVID-19. URL: <https://www.svoboda.org/a/30472685.html> (date of appeal: 01.10.2022). (In Russ.)
16. Almost a third of Russians said that they are guided by horoscopes when making decisions. Available from: <https://tass.ru/obschestvo/15499451> (accessed: 01.10.2022). (In Russ.)
17. Prigozhin I. Philosophy of instability. *Voprosy filosofii = Questions of Philosophy*. 1991;(6):46-51. (In Russ.)
18. Richardson FS, Bishop RS. Physics, human sciences and the end of certainty. Man in the face of uncertainty. Ed. I. Prigozhin. Moscow: Institute of Computer Research; 2003. P. 269–286. (In Russ.)
19. Serle J. The inverted word. *Voprosy filosofii = Questions of Philosophy*. 1992;(4):58-69. (In Russ.)
20. Tainter J. Problem Solving: Complexity, History, Sustainability. *Population & Environment*. 2000;22(1):3-41. CiteSeerX 10.1.1.372.816. DOI: 10.1023/A:1006632214612. S2CID153673448
21. Urry J. The Complexities of the Global. Available from: <https://www.lancaster.ac.uk/fass/resources/sociology-online-papers/papers/urry-complexities-global.pdf> (accessed: 01.10.2022).

Информация об авторе

Д. Н. Баринов — доктор философских наук, профессор кафедры социологии и философии.

Information about the author

D. N. Barinov — Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Sociology and Philosophy.

Статья поступила в редакцию 20.10.2022; одобрена после рецензирования 14.01.2023; принята к публикации 10.02.2023.

The article was submitted 20.10.2022; approved after reviewing 14.01.2023; accepted for publication 10.02.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.